

Как пришло в голову устроителям анапского "Киношока" пригласить Андрея Битова к своему шалашу — остается только гадать, но замечательно в этой истории то, что Битов согласился. Согласился возглавить жюри на VIII Открытом фестивале кино стран СНГ и Балтии в 1999 году. Теперь, ради присутствия на "Киношоке", он откладывает все свои дела, запланированные встречи и поездки.

— Андрей Георгиевич, расскажите о ваших впечатлениях от "Киношока", вы увидели для себя что-нибудь новое?

— Вообще-то я не хожу в кино, вижу кое-что по телевизору, чаще на Западе, когда нечего делать, и "Киношок" мне понравился с первого раза тем, что я вдруг встал в курс. Все-таки я имею высшее кинематографическое образование — это была благодать божья, когда на Высших сценарных курсах я увидел за год очень много кино. Потом что-то пропустил. Пока то, что я здесь вижу, — кино неважное. Оно, будучи менее провинциальным, чем кино, бывшее в республиках, оказалось вдруг в более провинциальной традиции. Республики, самоопределившись, пытаются сохранить и развить то, что они имеют. А имели они русское образование, русскую школу ВГИК со своими национальными особенностями. Им незачем это терять, это они могут сделать в отношении русского языка, но кто имеет школу, вряд ли способен ее потерять: он знает про все только так, как его научили.

Русское кино помчалось сразу в Голливуд и в современность, как будто с завтрашнего дня начинается новая жизнь. Но жизнь все та же. Просто это распад. Не в смысле морального упадка, а распад империи оказался на кино совершенно четко. Тогда кино душила идеология, оно создавалось под образом свободы, который был преувеличен. Соавтором была вся система. Отрицательным, негативным, но соавтором. А когда все распалось и началась погоня за спецэффектами, усмотренными под подушкой на запрещенных видео, человек, делавший вопреки системе какое-то свое душевное, интеллектуальное усилие, вдруг потерял язык. И появились безязыкие. Это же преступность — нельзя реализовать то, что ты когда-то уже видел. Даже если в фильме и встречается интересная сцена, то она выпадает из общего строя. И сейчас я вижу, как все скучно, потому что искусство не справляется с отражением реальности. Полная свобода говорить про нас, про себя — и полная утрата способности это сделать. Нет запрета говорить про себя, и человек забывает, кто он такой. Нарушаются темы.

Сейчас кино делается хуже, чем когда директивы велели. Нельзя сравнивать с неким художественным состоянием наш современный детектив — "соцреализм без цензуры". Все темы разрешены, но искусство еще неспособно обработать "новых русских", политику, бюрократию, злоупотребления — эти громогласные темы. Зато можно картинку давать, но она получается беспомощной. Гораздо беспомощнее, чем в слове, хотя слово тоже плохое, но оно, по крайней мере, уже в этом варится. Тем более, что кино — дорогая вещь. Но будем называть это болезнью роста. И тут некого упрекнуть.

— Почему, на ваш взгляд, редко удается сделать удачную экранизацию литературного произведения?

— Другой вид энергии. Если это хорошая литература, то это другая энергия. Если удастся человеку эту энергию в кино перевести, то будет совершенно другое искусство. Нужно только оттолкнуться. Иначе всегда будет только хуже. Попытка делать бесконечные римейки, которые раз в десять хуже отправных фильмов, с одной стороны, — выхолащивание, а на самом деле, может быть, — путь к правилам экранизации. Когда режиссер три раза сделает римейк и десять раз сделает ретро, он приблизится к возможности перевода одного искусства в другое. Это тренирует. Кстати, в представленной на конкурс узбекско-японской картине "Мама" (Специальный диплом жюри. — А.А.), я увидел римейк. Я 36 лет назад написал сценарий, только там был мальчик, а здесь девочка. Это не римейк в буквальном смысле, авторы "Мамы", может быть, и не знали. Тогда мы сделали первый советско-японский фильм. А этот делался для японцев. Он сделан толково. Как семейный фильм это вполне удачная работа. А у нас тогда не было такого жанра — "семейное кино". Кино каждый раз должно быть точно в своем жанре. Но то, что ты себе позволяешь, не значит, что ты это делаешь.

Сейчас наблюдается тенденция все взять в одни руки — стать и продюсером, и сценаристом, и режиссером...

— ...и актером.

— Да! Это очень показательно не только с точки зрения амбиций, а потому, что так легко сделать целое. Целое-то распадается. И чтобы совсем не развалилось, нужно, чтобы все попало в одни руки. Когда профессия не обретена всеми, то таким оркестром нельзя дирижировать, потому что какие-то инструменты расстроены, каких-то не хватает — вот и результат. То, что сделано вопреки, не может делаться на свободе. Раньше гению альтернативным (смеется) нужно было быть, а сейчас надо быть буквальным. Это и есть трещина, это и есть разлом.

— В итоге — картина печальная? Неужели ничто не светит?

— Катастрофа, конечно. Но не беда. В катастрофе обретается форма. Одна из самых модных тенденций в современной науке — это хаос, стремящийся к порядку: разрушается плазма, хаос возникает и сам упорядочивается. И нельзя помешать ему, он сам образует все. Так же рождается искусство — одна из первых организаций хаоса. Мы сейчас наблюдаем попытку смести мусор в кучку. Для меня "Киношок" — событие не столько в кино, сколько в постимперском пространстве. Это попытка распавшегося пространства объединиться на новом уровне. Мне очень важно человеческое производное. Империя распалась — это дела политические, геополитические, исторические, а то, что люди в нем жили и то, что они в нем жили вопреки как раз режимам и идеям, — это человеческое общение. В этом смысле мне очень понравилась эстонско-латвийская картина "Хорошие руки" (Гран-при. — А.А.). Она довольно цельная. Там режиссура оказалась не такой плохой, но, по-моему, для режиссера она была какой-то его третьей ипостасью. И больше всего фильм мне понравился по филологическим обстоятельствам — в одной картине взаимодействуют, наконец, три языка: эстонский, латышский и русский, на котором они разговаривают между собой. Это очень честная и точная писательская находка. Я подозреваю, что в "Хороших руках" автор, выступающий как продюсер, как режиссер, как сценарист, существует прежде всего, как писатель. Только писатель мог додуматься до такого приема! Вот это удача! Он проиллюстрировал, как все будет, если вообще что-нибудь будет (смеется). Русский язык здесь, конечно, работает так, как английский. И довольно важный результат распада империи — обладание русским языком.

— Сейчас прибалтийцы переходят на английский.

— Ой! Ой-ой... Сталин так хорошо отучил людей от иностранного языка, что, легче говорить на понятном русском, чем на плохом английском.

— Я имею в виду, что в прибалтийской школе перестали учить русский, заменив его английским.

— Следующее поколение — это следующее поколение, но эти-то должны дожить свое! Люди, значительно моложе меня, дети 60-х годов, будут доживать так. Зачем терять хорошее, если оно есть? Русский язык ни в чем не виноват, он сам по себе хорош. Обладать языком — совсем не скверно. Были потери в национальных языках, когда, допустим, русский язык насаждался, доминировал. Особенно это сказало на близких славянских языках — украинском и белорусском. Но зачем, например, белорусам читать книгу, хорошо написанную на русском языке, в неважном переводе? Это трагедия! Люди начинают осуществлять свое право на язык, но это не сразу произойдет. И не значит, что русский язык плох. Пусть он станет иностранным. Мне это как раз очень понравилось в фильме "Хорошие руки". Не потому, что это утверждается или насаждается, а потому, что фиксируется правда.

Помню, в Норвегии я встретился с замечательной латышской поэтессой. Мы кинулись друг к другу в объятия, потому что вокруг звучал норвежский язык. А мы кто были тогда? Бывшие имперские, бывшие советские или бывшие русские? Мы разговорились о проблемах языка, и она рассказала, как встретила с одной эстонкой, и они стали говорить на английском. Поэтесса не выдержала: "Слушай, может, хватит выпендриваться? Давай поговорим по-русски!". (Смеется.) Вот страна! В результате падения великой империи над всем миром властвует английский язык. Язык — мать всех вещей. И, кстати, "Киношок" — одно из откровенных проявлений бывшего "Союза нерушимого", но не в пошлом смысле, а именно в человеческом. На всяких международных тусовках, где встречаются разные народы, история — это тоже язык. Общая история, как она есть. Мы будем говорить о детях: "А, у них не было той истории!", но пока "та же" история жива в поколении, говорим: "Ну, вы можете остаться, потом можете забыть..."

Что потеряла Германия в результате падения ее имперских замашек? Чудовищный язык произошел! Она потеряла немецкий язык как международный. Он был направлен к

культуре параллельно с французским и английским. Немцы себя замечательно ведут в смысле раслаты, раскаяния, что до сих пор длится, кстати, в поколениях, не принадлежавших к той истории. Тем не менее они расплачиваются и расплачиваются добровольно. Покаяние сделало новую Германию, нового качества нацию. И возвращение немецкому языку его функций длится до сих пор. Людям, с легкостью сдавшимся англичанам. Чудо распада империи в том, что распад неизбежен и скор, а его последствия долги. Дорого платить за насилие, которое было спонтанно произведено Германией, пришлось языку. У нас все-таки достаточно нервный распад был. И русский язык не виноват, он пригодится. Но есть тенденции плохонькие — это потеря врага, ностальгия по врагу и подмена слова советский, которое было враждебным, словом русский. Очень отвратительная тенденция. Правда, сейчас миру придется разбираться с другими проблемами — уже просто с позавчерашнего дня (11 сентября. — А.А.)

Язык всегда играет миротворческую роль. Язык не ссорит никого. А сейчас люди, пло-

знать достаточное количество языков. Я встречал чехов, свободно переходящих с голландского на немецкий или с французского на финский. Думаю, что спасение мира — в знании языков. Такая у меня утопия. А что английский? Весь мир говорит на английском — никого не догоншишь, не перегоншишь. А русский язык в запасе — это уже up-down!

— Французы, например, сняли фильм о сугубо национальной истории на английском языке с целью обеспечения мирового проката. Как вами воспринимается такая ситуация?

— Это проблема рынка. Не знаю, является ли это войной языков. Не знаю. В свое время, когда в Абхазии были проблемы, впоследствии переросшие в войну, — это был 78-й год — я отметил, что абхазы (абхазский язык очень интересный архаичный язык, особенно для лингвистов, уникальный язык!) обладают повышенным слухом и легко схватывают чужие языки. Те абхазы, кто знали с детства свой язык, а потом уходили из деревни к лучшей жизни, обычно устраивались среди чужих языков очень органично. Вот это использование повышенных способно-

— Я думаю, что это, если и происходит, то на уровне более или менее подсознательном. В свое время у меня был большой соблазн, но я был уже в возрасте, все увидел и не смог, не хватило наглости этого сделать. Меня всегда интересовало, как из-за цензуры или из-за недопонимания реальности, тает огромная часть нашей жизни, если взять пропорцию: политика, религия, мы выживаем, любим, умираем — все это входит в общий ковер. Вот данное мгновение. Оно состоит из какой-то пропорции: этого элемента столько, этого столько. Но это одна таблица. Выпадает вдруг какое-то звено. Оно начинает занимать художника как материал еще невыраженный. Как тема хотя бы или еще что-то. Все люди смотрят телевизор, да? Это уже шестьдесят процентов нашей жизни. Но нигде не написано, как люди смотрят телевизор. Нигде не написано, куда уходит половина времени человечества! Нет, этого не написано. Нет, не описано, и в этом — вся прелесть искусства! Что-то остается неопи-саным всегда. Хронически. Однако продвижение в этом направлении возможно. Поэтому, раз кино есть, как же оно могло не повлиять? Но дело вот в чем: все то, что появляется с рождением какого-то технического решения в искусстве, раньше появляется в голове. Следовательно, литература изначально содержала все кино. Живопись, выходящая, стала содержать в себе фотографию, а фотография возродила живопись, вернув ее к тому, на что сама неспособна, — возникли импрессионисты. Роман, особенно в Европе, стал серийным, таким выпечным изделием. Уже неважно было слово, его с успехом заменил кинематограф. Потом появилось телевидение. Все время всякая техническая новация возвращает искусство к его природе. В любом жанре и виде. То, что кажется гибелью, оказывается его возрождением. И я думаю, что современное кино очень многому научилось у телевидения. Телевидение, может быть, чем больше кушает, тем больше вливает. Но в кино возможно говорить собственным языком, причем воспользовавшись опытом большей свободы, новой техникой и так далее. Ничего грозного я не вижу в том, что кино входит в подсознание. Кино было до того, как оно возникло. Как сказал Тарковский: "Господи, что же делать? Кино было раньше всех, потому что мы уже сны видели!". Правильно, мы видели сны, а потом стали смотреть кино. Может быть, что-то потеряли эти сны?

— А вы чувствуете нехватку того кинематографа, что существовало до распада Союза?

— Да нет, я не киноман. Все равно Чаплин — лучше всех! (Смеется.)

— Когда отмечали столетие кинематографа, предрекали его конец, говорили, что все уже было и начинает повторяться.

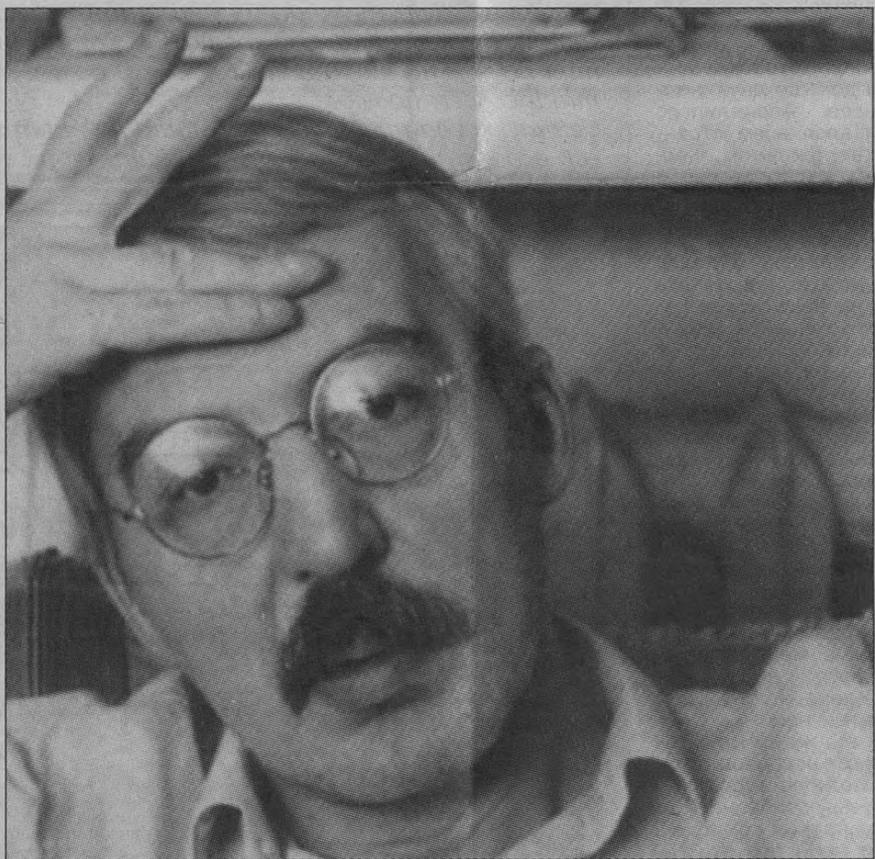
— Сто — хорошая цифра. Помню, когда мне исполнилось шестьдесят лет, и я вдруг прикинул, что моим потомкам — детям и внукам — исполнилось сто. Не слабый малый, да? Мне — 60, а им уже 100! И я решил, пусть везде всего будет по сто: сто книг, сто влюбленностей, сто лет моим детям. А потом подумал, а чего же еще может быть сто? Скажем, сто городов, сто стран, а еще? Сто зубов! Мне приятель говорит: "Где же ты возьмешь сто?". А я отвечаю: "А если молочные-вставные сосчитать?". Получится 100! (Смеется.) Нет, действительно, очень замечательная цифра! Это же условность! Мы сами нарезали мир, измерили его. Как сказал Франсуа Рабле: "Более тупой, более бессмысленной траты времени, чем подсчет всего, я не знаю". В этом есть некое непрерывное оправдание себя. И тем не менее, мы видим в истории, что есть молодое и старое, которое старается влиять на все. А сейчас я очень счастлив, что дожил до этого момента, потому что, когда был юный, не верил, что доживу до смены веков, до смены тысячелетий. Любопытство овладевало мной вместе с тревогой, но больше всего было любопытства — а как это будет: "99, 2000, 2001...". Наблюдаю до сих пор это безумие, бессмыслицу. Мы, русские, любим круглые цифры, мы всегда опаздываем, у нас 31 декабря в течение трех поколений, как правило, план выполнялся на 101 процент.

Двухтысячный — действительно справедливый год: двойка появилась, но все это заканчивается нулями. Вот "первый" — и смотрите, что делается. В Грузии я узнал одну примету: как ты первое января проживешь, так и год пройдет. Имелось ли в виду похмелье — непонятно. (Смеется.) Но я думаю, как мы этот первый год проживем, так и весь век пройдет. Поэтому ничего не кончилось и ничего не началось. Жизнь непрерывна.

Беседовала Арина АБРОСИМОВА

Андрей БИТОВ.

О том, что не написано

хо знающие язык, начинают главенствовать. Это комплекс, по-видимому. Они не умеют ни разговаривать, ни выражать мысли. Агрессия лишает человека речи.

— Андрей Георгиевич, но за те годы, что существовал Советский Союз, сменилось не одно поколение...

— Три.

— И в течение трех поколений люди говорили на русском языке повсеместно. Это сформировалось в традицию, сейчас разрушающуюся. Можно ли рассматривать английский язык как рождение в Евразии новой традиции?

— Английский язык замечательный, его надо изучать. Раньше интеллигенция знала три языка. Потому что ты должен знать языки, пригодные для общения с другими народами. Я это, в частности, наблюдаю в Скандинавских странах, где лучше знают иностранные языки, чем во Франции, Германии или Англии. Лучше, потому что у них большая необходимость объясняться с миром и меньше амбиций, — там не настаивают на том, чтобы кто-то знал финский, норвежский или шведский. Это культурно. Настоящий европейский интеллигент, особенно восточный европеец, должен

стей для овладения многими языками может превратить маленькую страну в очень даже мировую. Что, кстати, происходит на всех границах Восточной Европы, Западной Украины — там жители, хотя бы в разговорном плане, владеют пятью-шестью языками. Румынский, украинский, польский, венгерский, чешский. Это делает человека объемнее и богаче, учитывая, что ни один язык из одного языка не состоит: обогащения словарные и корневые — все это друг в друга вращено. Один русский язык состоит из латыни, из французского, а теперь уже из английского. Я не имею в виду слова-поселенцы, нет. Это обучение другой конструкции ума. Когда у тебя возникает хотя бы на полвитка больше способности сообразить и обобщить. В этом смысле "Киношок" является наиболее общим местом обмена: посмотреть кино и познакомиться с тем, что есть другие люди. Они также умирают, также любят и также страдают. Но они другие! Это вопрос общечеловеческой экологии: язык победит все или мира не будет. И чем больше языков, тем лучше!

— Андрей Георгиевич, приходилось ли вам черпать какие-то идеи из кинематографа, питаться от него?

гран и сцена —